

Наринэ
Абгарян

Всё о Манюне

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В книге и на обложке использованы иллюстрации
Елены Станиковой

Макет подготовлен редакцией

Абгарян Наринэ Юрьевна

А13 Всё о Манюне / Наринэ Абгарян. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 864 с.

ISBN 978-5-17-082423-6

У меня была заветная мечта — увидеть себя маленькой.

Например, пятилетней. Щекастой, карапузой, с выгоревшими на южном солнце волосами цвета соломы. Я любила разговаривать с гусеницами. Задавала им вопросы и терпеливо ждала ответов. Гусеницы сворачивались калачиком или уползали прочь. Молчали.

Мне хотелось увидеть себя десятилетней. Смешной, угловатой, робкой. С длинными тонкими косичками по плечам. Папа купил проигрыватель, и мы дни напролет слушали сказки. Ставили виниловую пластинку на подставку, нажимали на специальную кнопку; затаив дыхание, аккуратным движением опускали мембрану. И слушали, слушали, слушали.

Мне так хотелось увидеть себя маленькой, что я однажды взяла и написала книгу о моем детстве. О моей семье и наших друзьях. О родных и близких. О городе, где я родилась. О людях, которые там живут.

«Манюня» — то светлое, что я храню в своем сердце. То прекрасное, которым я с радостью поделилась с вами.

У меня была заветная мечта — увидеть себя маленькой.

Получается, что моя мечта сбылась.

Теперь я точно знаю — мечты сбываются.

Обязательно сбываются.

Нужно просто очень этого хотеть.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 20.03.2023.
Формат 72 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 63,18.
Доп. тираж 7000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

© Наринэ Абгарян, 2012
© Елена Станикова, иллюстрации, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2019

КНИГА ПЕРВАЯ

Манюня

*Маме и папе — с чувством бесконечной
любви и благодарности*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шепотной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вышедшая из берегов река бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Словно холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел...¹ «Анииии-ко,— прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха,— Анииии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»

Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую наружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится белая безымянная речка? А потом, не обращая внимания на табличку с грозной надписью: «Охраняется государством»,— лазить по крепости в поисках потаенных проходов и несметных богатств?

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цлику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоевате-

¹ Традиционная армянская песня пахаря.

лей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка.

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстроногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набег кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, выросший потом вокруг развалин, назвали Берд. В переводе с армянского — крепость.

Народ в этом городке весьма и весьма специфический. Более упрямых или даже остервенело упертых людей никто в мире не видывал. Из-за своего упрямства жители городка заслуженно носят прозвище «упертых ишаков». Если вы думаете, что это их как-то задевает, то очень ошибаетесь. На улицах часто можно услышать диалог следующего содержания:

— Ну чего ты добиваешься, я же бердский ишак! Меня убедить очень сложно.

— Ну и что? Я тоже, между прочим, самый настоящий бердский ишак. И это еще вопрос, кто кому сейчас уступит!

А чтобы не быть голословной, приведу пример знаменитого упрямства бердцев.

Летом в Армении празднуют Вардавар — очень радостный и светлый, уходящий корнями в далекое языческое доисторье, праздник. В этот день все от мала до велика поливают друг друга водой. С утра и до позднего вечера, из какой угодно тары. Единственное, что от вас требуется, — хорошенько намылиться, открыть входную дверь своей квартиры и встать в проеме. Можете не сомневаться: за порогом вас поджидает толпа промокших до нитки людей, которые с диким криком и хохотом выльют на вас тонну воды. Вот таким нехитрым способом можно помыться. Шучу.

На самом деле, если вас на улице незнакомые люди окатили водой, обижаться ни в коем разе нельзя — считается, что вода в этот день обладает целительной силой.

Так вот. Апостольская Церковь попыталась как-то систематизировать народные праздники и, пустившись во все тяжкие, утвердила за Вардаваром строго фиксированный день. Совершенно не принимая в расчет упертость жителей нашего городка.

А стоило бы. Потому что теперь мы имеем следующую ситуацию: по всей республике Вардавар празднуют по указке Церкви, а в Берде — по старинке, в последнее воскресенье июля. И я вас уверяю, издай Католикос специальный указ именно для жителей нашего городка, ничего путного из этого не вышло бы. Пусть Его Святейшество даже не пытается, так ему и передайте. С нашими людьми можно договориться только тогда, когда они этого хотят.

То есть никогда.

Теперь, собственно, о главных героях нашего повествования.

Жили-были в городке Берд две семьи — Абгарян и Шац.

Семья Абгарян могла похвастаться замечательным и нестигаемым как скала папой Юрой, самоотверженной и прекрасной мамой Надей и четырьмя разнокалиберными и разновозрастными дочерьми — Наринэ, Каринэ, Гаянэ и Сона. Потом в этой счастливой семье родился долгожданный сын Айк, но случилось это спустя несколько лет после описываемых событий. Поэтому в повествовании фигурируют только четыре девочки. Папа Юра работал врачом, мама преподавала в школе русский язык и литературу.

Семья Шац могла похвастаться Ба.

Конечно, кроме Ба, семья Шац включала в себя еще двух человек: дядю Мишу — сына Ба, и Манюню, Дядимишину дочку и, соответственно,

внучку Ба. Но похвастаться семья, в первую очередь, могла Ба. И лишь потом — всеми остальными не менее прекрасными членами. Дядя Миша работал инженером, Ба — мамой, бабушкой и домохозяйкой.

Долгое время герои нашего повествования практически не общались, потому что даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды случилась история, которая сблизила их раз и навсегда.

Это был 1979 год. На носу 34-я годовщина Победы. Намечалось очередное мероприятие в городском доме культуры с участием ветеранов вой-

ны. На хор бердской музыкальной школы была возложена ответственная миссия — исполнить «Бухенвальдский набат» Соболева и Мурадели.

Хор отчаянно репетировал, срывая голос до хрипоты. Замечательный хормейстер Серго Михайлович бесконечно страдал, подгоняя басы, которые с досадным постоянством на полтакта зависали во вступлении. Серго Михайлович заламывал руки и причитал, что с таким исполнением «Бухенвальдского набата» они опозорятся на весь город и в наказание хор расформируют к чертям собачьим. Хористы почему-то расстраивались.

Настал день икс.

И знаете, что я вам скажу? Все бы обошлось, если бы не длинная двухступенчатая скамья, на которую во время коротенького антракта лихо-радожно водрузили второй и третий ряды хористов. Все складывалось образцово — песня полилась ровно и прочувствованно, басы вступили неожиданно вовремя, Серго Михайлович, дирижируя, метался по сцене такими зигзагами, словно его преследовала злая оса. Хористы равномерно покрывались мурашками от торжественности момента. Зал, по пер-

восте заинтригованный хаотичными передвижениями хормейстера, проникся патетическим набатом и притих.

Ничто, ничто не предвещало беды.

Но вдруг. На словах. «Интернациональные колонны с нами говорят». Хор услышал. У себя. За спиной. Странный треск. Первый ряд хористов обернуться не посмел, но по вытянувшемуся лицу хормейстера понял, что сзади происходит что-то ужасное.

Первый ряд дрогнул, но пения стойчески не прервал, и на фразе: «Слышите громовые раскаты? Это не гроза не ураган», — скамейка под вторым и третьим рядами с грохотом развалилась, и ребята посыпались вниз.

Потом ветераны удивлялись, как это они, будучи людьми достаточно преклонного возраста, гремя орденами и медалями, перемахнули одним прыжком через высокий борт сцены и стали разгребать кучу-малу из детей.

Хористы были в отчаянии — все понимали, что выступление провалено. Было обидно и тошно, и дети, отряхивая одежду, молча уходили за сцену. Одна из девочек, тощая и высокая Наринэ, сцепив зубы, тщетно пыталась выползти из-под полненькой и почему-то мокрой Марии, которая тихой мышкой лежала на ней.

— Ты хоть подвинься, — прошипела она.

— Не могу, — прорыдала Мария, — я описалась!

Здесь мы делаем глубокий вдох и крепко задумываемся. Ибо для того, чтобы между двумя девочками зародилась лютая дружба на всю оставшуюся жизнь, иногда просто нужно, чтобы одна описала другую.

Вот таким весьма оригинальным образом и подружились Наринэ с Манюней. А потом подружились их семьи.

«Манюня» — это повествование о советском отдаленном от всяких столиц городке и его жителях. О том, как, невзирая на чудовищный дефицит и всевозможные ограничения, люди умудрялись жить и радоваться жизни.

«Манюня» — это книга для взрослых детей. Для тех, кто и в тринадцать, и в шестьдесят верит в хорошее и смотрит в будущее с улыбкой.

«Манюня» — мое признание в бесконечной любви родным, близким и городу, где мне посчастливилось родиться и вырасти.

Приятного вам чтения, друзья мои.

И да, кому интересно: наш хор таки не расформировали. Нам вручили грамоту за профессиональное исполнение «Бухенвальдского набата» и премировали поездкой на молочный комбинат.

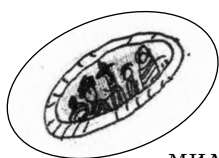
Лучше бы расформировали, честное слово.

ГЛАВА 1

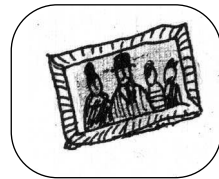
Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если Ба не выводить из себя — она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вызвериться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским лепетом по сравнению с тем, что умела устроить Ба! Легче было наместить в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозинового разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня — по классу скрипки, я — фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение — остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр — он был совсем

не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой — знакомиться с моей семьей.

Маня замаялась.

— Понимаешь, — потупилась она виновато, — у меня Ба.

— Кто? — переспросила я.

— Ну Ба, баба Роза.

— И что? — Мне было непонятно, к чему

Маня клонит. — У меня тоже бабушки — Тата и Настя.

— Так у тебя бабушки, а у меня Ба, — Маня посмотрела на меня с укоризной. — У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

— Да какая же я тебе незнакомая? — разве я руками. — Мы уже целую вечность дружим, аж, — я посчитала в уме, — восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

— Давай так, — предложила она, — я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

— Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

— Понимаешь, — Маня смотрела на меня виновато, — Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взрослого было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протянула мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таинственной надписи: «Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Если можешь, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала маленький домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками желтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синий корандаш потеряла, поэтому небо зеленое, но это ничего. Конец».

Я прослезилась.

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скудной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть. Вот приблизительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье — нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

— Поставишь пятно — выпорю, — ласково предупредила мама, — твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбо-

